

На плотях — эпизод 2 из 5

вполголоса отвечает Митрий, не отводя глаз из дали, где он пристально рассматривает что-то большими и грустными глазами.

Как же это, брат ты мой, а?

Чего? отзывается Митрий недовольно.

Женился-то?! Смехи! Как это было-то? Ну, пошли вы, значит, с женой спать?

Ну, как же?!

Эй, вы, там! По-оглядыва-ай! угрожающе пронеслось над рекой.

Ишь ревет, снохач анафемский! с восхищением отмечает Сергей и снова возвращается к своей теме. Ну, скажи, что ли? Мить! Скажи, чай! а?

Отстань, Серега! говорил ведь! просительно шепчет Митрий; но, должно быть, зная, что от Сергея не отвяжешься, торопливо начинает: Ну, пришли мы спать. Я и говорю ей: Не могу я мужевать с тобой, Марья. Ты девка здоровая, я человек больной, хилый. И совсем я жениться не желал, а батюшка, мол, силком меня женись, говорит, да и все! Я, мол, вашу сестру не люблю, а тебя больше всех. Бойка больно... Да... И ничего я этого не могу... понимаешь...

Пакость одна да грех... Дети тоже... За них ответ богу дать надо...

Пакость! взвизгивает Сергей и громогласно хохочет. Ну и что ж она, Марья-то? а?

Ну... Что же, говорит, мне делать теперь? Плачет сидит. Чем, говорит, я тебе не по сердцу? Али, говорит, я уродина какая? Бесстыдница она, Серега!.. Что же, говорит, мне с моим здоровьем к свекру, что ли, идти? Я говорю: Как хошь, мол... Куда хошь иди. Мне, мол, супротив души невозможно поступить...

Дедушка Иван говорил смертный грех это дело. Скоты мы с тобой, что ли, мол? Плачет все. Загубили, говорит, мою девичью красоту. Жалко ее было мне. Ничего, мол, как-нибудь обойдесся. А то, мол, в монастырь иди. Она ругаться: Дурак ты, говорит, Митька, подлец...

А, б-батюшки! восхищенным шепотом шипит Сергей. Так ты ей и отколол в монастырь?

Так и сказал, просто говорит Митя.

А она тебя дураком? повышает тон Сергей.

Да... обругала.

За дело, брат! Ах-ах и за дело! Вздуть бы еще надо! вдруг меняет тон Сергей. Теперь он говорит строго и внушительно. Разве ты можешь супротив закону идти? А ты пошел! Установлено ну, значит, и шабаш! Не моги спорить. А ты накося! Эко, выворотил корягу! В монастырь! Дурья голова! Ведь девке-то что надо? Али монастырь? Ну и люди нынче! Ты подумай что вышло? Сам ты ни

бэ, ни мэ, ни ку-ка-ре-ку, девку погубил... полюбовницей стариковой стала старика во грех снохаческий ввел. Сколько ты закона нарушил? Го-олова! Закон-то, Сергей, в душе. Один закон про всех: не делай такого, что против души твоей, и никакого ты худа на земле не сделаешь, тихо и умиротворяюще проговорил Митрий, тряхнув головой.

А ты вот сделал! энергично возразил Сергей. В душе! Эко, тоже... Мало ли что в душе-то есть. Всему запрета полагать нельзя. Душа, душа... Ее, брат, понимать надо, а потом уж и того...

Нет, ты это не так, Сергей! горячо заговорил Митрий, точно вспыхнул вдруг. Душа-то, брат, всегда чиста, как росинка. В скорлупке она, вот что! Глубоко она. А коли ты к ней прислушаешься, так не ошибешься. Всегда по-божески будет, коли по душе сделано. В душе ведь бог-то, и закон, значит, в ней. Богом она создана, богом в человека вдунута. Нужно только в нее заглянуть уметь. Нужно только не жалеючи себя...

Эй, вы! Деймоны сонные! Гляди в оба! раскатисто загремело и поплыло по реке.

По силе звука чувствовалось, что кричит человек здоровый, энергичный, довольный собой, человек с большой и ясно сознанной им жизнеспособностью. Кричалось не потому, что окрик был вызван сплавщиками, а потому, что душа была полна чем-то радостным и сильным, это радостное, сильное просилось на волю, и вот вырвалось в гремящем, энергичном звуке.

Ишь как тявкнул, старый черт! с удовольствием отметил Сергей, зорко глядя вперед. Милуются, голубки! Завидно не бывает, Митька?

Митрий равнодушно посмотрел туда, к передним веслам, где две человеческие фигуры перебежали по плотам справа налево и, останавливаясь близко друг к другу, иногда сливались в одну плотную, темную массу.

Не завидно? повторил Сергей.

Что мне? Их грех их ответ, тихо сказал Митя.

Та-ак! иронически протянул Сергей и подложил табаку в трубку. Снова во тьме заблестел красный огонек.

А ночь становилась все гуще, и серые тучи, черные, все ниже спускались над тихой, широкой рекой.

Где ж это ты, Митрий, нахватал такой мудрости, а? Али уж у тебя это врожденное? Не в отца ты, браток.